

Астра

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Москва
Издательство «БПШ»
2009

ПОЗДНЯЯ ГОСТЬЯ

Мне давно казалось, что события, происходящие с нами, весьма похожи на нас самих, более того, они словно ищут себе надлежащих исполнителей.

Однажды поздним вечером я сидела перед зеркалом с блестящими ножницами в руках. На мои плечи, колени, на желтый резиновый коврик ванной комнаты падали пряди русых волос, а в зеркале с неотвратимостью наказания возникала незнакомка с торчащими во все стороны светлыми вихрами. Холодок, освеживший лоб и шею, охладил также и мою решимость. Рука моя опустилась. Но отступить было некуда, я продолжала, и, к моему удивлению, было вознаграждена идеально-кривой линией стрижки, придавшей лицу свежую выразительность.

С легким сердцем я направилась к дражайшей половине.

Но не успела сделать и двух шагов, как в прихожей раздался звонок.

Тут мне придется пояснить, что дом наш был новым с иглолки, а на дверях красовалась единица. Кому случалось с коробкой торта спешить на новоселье в новый район, тот знает, что это означает.. Стоящая на перекрестке несуществующих улиц наша двадцатидвухэтажка казалась ковчегом спасения для заплутавшихся, сбитых с толку, доведенных до слез чужих родственников и знакомых, и все они с облегчением звонили в обитую зелененьким дверь номер один. Вот и сейчас, близ полуночи кого-то вновь прибило к нашему порогу.

— Кто там?

Невнятный женский голос был мне ответом. Я отворила. Передо мной стояла высокая девушка в темном пальто, вся закиданная мокрым снегом, в руках ее была дорожная сумка с крепкими ручками. Я выжидательно улыбнулась. Она назвала какую-то фамилию.

— Здесь такие не проживают, — ответила я, поеживаясь в легком халате. — Где ваш адрес?

Но никакой бумажки у нее не было, да и спрашивала она нетвердо, словно наобум. Я уже хотела закрыть дверь, как вдруг заметила, что девушка-то моя, как бы сказать, была уже не совсем одна, хотя еще и не вдвоем. Я стала втупик. Просто щелкнуть замком оказалось невозможным.

— Вы не москвичка? — зачем-то спросила я.

Она помотала головой. Я кивнула.

— Поезжайте на вокзал в комнату матери и ребенка, вас отлично устроят.

Она безнадежно вздохнула. Глаза ее, темные, раскосые, устало смотрели из-под мокрой челки. Вокруг низких сапожек растекалась лужица. Мартовский вечер был ненастен, за окном неслась мартовская метель, в которой каждый фонарь казался стойким одиночкой, а на земле лежал пропитанный талой водой рыхлый снег.

Девушка покорно ждала.

— Входите, — вздохнула я, — заночуйте у нас. Куда вам в такую темень.

Мой муж подскочил, как ужаленный. Моя прическа, моя гостья...

— Тсс, — испугалась я его восклицания, — этой бедняжке некуда идти, она просит приюта на одну ночь, всего на одну ночь.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

Странница дожидалась меня в передней. Я предложила ей раздеться, провела в ванную комнату, поставила чай. Затем потеснила в сторону письменный стол, поставила раскладушку, постелила постель.

Гостья моя оказалась настоящей великаншей. Она появилась из ванной очень свежая, довольная, в незастегнувшемся на ней моем старом сарафане. Положение ее казалось еще не слишком заметным, зато какой щедростью были налиты плечи, шея, грудь! Далековато мне было и до ее рыжих кудрей, скрученных в пружинки избытком собственной энергии.

Я пригласила ее к ужину. Отказавшись для приличия разок другой, она под села к столу и с деревенской степенностью съела все, что было предложено. И со вздохом усталости улеглась на раскладушку.

Мне не спалось. Необычно ощущение «чужака» в своей норе. Страхи — глазастые, косматые — не дают забыть ни на минуту. Но вот поднялся с постели мой супруг, выпил утренний кофе и уехал в библиотеку, по своему обыкновению.

Мы остались вдвоем.

Была суббота, самый приятный день недели. Можно понежиться в теплой постели, можно не спешить на работу, можно с полным правом повалять дурака, особенно таким пасмурным деньком, какой начинался в то утро.

Но у меня была гостья, и это меняло дело. Часам к десяти я накрыла к завтраку. Естественно было предположить, что по окончании его, Вера, таково было ее имя, соберет просохшие вещицы и откланяется. Не тут-то было. Насытившись, она вынесла из-за стола налитое тело и полуодетая, но сверхнакрашенная, принялась слоняться по квартире с любопытством сороки. Одновременно мне подавалась путанная история о том, что она направляется в Харьков к любимому мужу и что злокозненные родственники изо всех сил препятствуют их счастью. Мне оставалось позвякивать посудой.

Внезапно рассказ ее оборвался.

— Круто! — донеслось из комнаты.

Я выглянула. В тяжелых руках Веры поблескивали мои бусы, набор цветных стекляшек, подаренный мне братом после его поездки в Египет.

— Прикиньте, — предложила она. — Вам, должно, к лицу.

За это я простила ей и бессонную ночь, и подпорченную субботу, и поразительные нелепицы, что проскальзывали в ее истории. Не моя печаль ловить ее на слове, рассуждала я, и не законное ли право человека говорить о себе то, что он считает возможным говорить о себе?

Ровно в час дня мимо окон мелькнул знакомый силуэт. Муж!

— Она здесь? — он, казалось, боялся не застать нашу гостью.

Пройдя в комнату, он позвал меня.

— Дай мне денег.

— Возьми.

— Где?

— Там.

— Там нет.

Кровь бросилась мне в лицо. Наши деньги на текущие расходы, уложенные в светло-синий срезанный полуконверт, обычно торчали в книжном шкафу между Светонием и Плутархом. Сейчас конверта не было.

Я принялась поспешно шарить по полкам.

— Не трудись, — усмехнулся муж, — их нет.

— Тише, — руки мои дрожали.

В эту минуту Вера повернулась и вышла в коридор. Одним прыжком он выскочил следом и запер дверь на ключ.

— Где деньги? — спросил негромко.

Она смерила его взглядом разгневанной герцогини..

— Какие такие деньги?

Пол качнулся под моими ногами.

— Оставь ее, это недоразумение.

Он отстранил меня, как портьеру.

— Где деньги?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — отрезала она.

Наступило молчание. От него кружилась голова.

— Прекрати, — взмолилась я. — Выпусти женщину.

— Тогда дай мне деньги. У нас есть деньги?

Денег не было.

— Что вы ко мне пристали? — плаксиво закричала гостья.

— Как вам не стыдно?

Он перевел дух.

— Просмотри ее одежду.

— Я?!

— Они у нее.

— Никогда. Пусть уходит.

Он терпеливо опустил глаза.

— Они у нее. Это простая вероятность.

«Вероятность!» Неожиданно сама Вера пришла мне на помощь. Судя по всему, подозрительность моего супруга не только не оскорбила ее, на даже позабавила. Кинув насмешливый взгляд, гренадерша величественно шагнула в кухню.

— Пойдемте. Так и быть, разденусь перед вами.

Мы затворились. Это было мучение! Нимало не сконфуженная, она принялась издевательски перетряхивать то кофту, то юбку, а я все боялась, боялась, что вдруг они выпадут, эти проклятые деньги.

— Довольно.

Муж ожидал в комнате, скрестив руки. Это необычайно шло его тонкой фигуре, его чистому профилю со сдвинутыми, как сейчас, бровями.

— Ничего, — показала я разведенными руками.

— Сумку, — произнес он сквозь зубы, и, видя мое сопротивление, с ожесточением возразил. — Но ведь их нет? В собственном доме! В благодарность!

Будь моя воля, я бы отпустила Веру на все четыре стороны, оставив пропажу на ее совести. Конечно, это решение слабого, но такова моя натура, мне невыносимы обвинения, разоблачения... Удивительно ли, что со мною случаются подобные происшествия? Муж вручил мне сумку. Она была увесиста, на Верином месте я бы уже так не рисковала.

Не стану описывать процедуру досмотра. Скажу лишь, что с пониманием сочувствую работникам таможни, имеющими дело с чужими пожитками. Вера сидела прямо, как все беременные, и на все корки честила и меня, и моего мужа.

— Смотрите, смотрите, — говорила она, покачивая фиалковыми сережками, — как я погляжу, вы и пикнуть против него не смеее. Ишь, раскомандовался! Да на мои глаза, я и минуты бы с ним не осталась, не то, чтобы жить... Деньги ищут. Неужели уж я такая бессовестная, а? Вы меня пожалели, впустили, а я ваши деньги скраду... Да про меня, если хотите знать, худого слова не сказано, а вы за воровку почтили, — и так далее ровным голосом с повышением тона в адрес моего мужа, который метался за дверью, как тигр в клетке.

Два, однако же, момента обратили на себя мое внимание. Первый — письмо, лежавшее среди аккуратных стопок белья. С его ученической страницы так и прыгнула в мои глаза площадная брань, наивно выведенная школьным почерком. С кошачьим проворством Вера скомкала его в руке и затихла. Стало смешно и нелепо: что за бессмыслица происходит с моим участием?

Второе наблюдение настроило меня серьезнее. Дойдя до самого дна, где валялись обрывки билетов, шпильки и мятая газета, из которой сыпалась розовая пудра, я не встретила ни только ни своих денег, но и никаких денег вообще, словно их не существовало.

— Все, — объявила я мужу. — И здесь ничего нет.

Он нахмурился. Неподвижно встал в дверях, склонив лобастую голову.

— Не может быть! — и шагнул вперед.

Но Вера оказалась шустрее. Одним рывком сгребя весь мусор, билеты, газету, все, что оставалось на дне, она с размаху швырнула ему под ноги.

— Полюбуйся, если не веришь!

А он, по-футбольному отпасовав сумку в угол, молниеносно перегнулся и схватил женщину повыше запястья.

— Смотри! — и развернул в мою сторону.

Из ее пальцев под газетой, из которой сыпалась пудра, виднелся светло-синий срезанный полуконверт.

— Ой, как мне стыдно, ой, не ругайте меня, ой, я больше не буду, — слезливо запричитала Вера.

Я молча вышла.

В комнате возбужденно расхаживал мой Шерлок Холмс. В стремительности его походки, в потирании рук была сквозила полная удовлетворенность.

Я опустилась в кресло.

— Как мы поступим?

— Пусть убирается, и все.

Я помолчала, постукивая пальцем по подлокотнику.

— Знаешь... ведь у нее нет ни копейки.

Он изумленно замер на месте.

— Я должен о ней думать?

Я усмехнулась. Дверь кухни отворилась, на пороге появилась Вера со злополучной сумкой в руках.

— Выпустите меня, пожалуйста, — униженно попросила она.

Муж пренебрежительно отвернулся.

— Куда ты едешь, Вера? — просто спросила я.

— В деревню к матери.

- Сколько стоит дорога?
- Пятьсот рублей.
- У тебя есть свои деньги?
- Нет. Выпустите меня.

Я попросила ее обождать в прихожей, прикрыла дверь. Мы молчали. За окнами белела подмосковная равнина, серые перелески, кольцевая автодорога.

— Сколько ей дать? — муж повернул ко мне смеющееся лицо.

— Рублей семьсот. И будь добр, у нее тяжелая сумка. Хоть до метро.

И он ушли. Я осталась в кресле наслаждаться тишиной и благополучием, и прислушиваться к тому, как и во мне, на самый ранних неделях, зачиналась новая жизнь. Муж вернулся минут через сорок, на автобусе до метро и обратно.

— Представляешь, — сказал он, — когда я давал ей деньги, люди подумали, что я с ней расплачиваюсь!

— Замечательно. Как тебе моя прическа?

— Блеск!

... Примерно через полгода, в пустынную жару августа, нам пришло письмо из глубинной России. Его доставка сделала бы честь любой почтовой службе, потому что ни имени, ни толкового адреса на конверте не было. Вера сообщала, что у нее родилась хорошая дочка, благодарила за участие и обещала выслать нам меду. Обещала.

ГЕОЛОГИНИ

В комнате картографов тишина. Горят под стеклом лампочки светостола, цветным витражом светится лежащая на нем геологическая карта. Склонившись над нею, две девушки-студентки копируют геологическую основу для своих дипломов, каждая свой квадрат. Они очень разные, две подружки, задумчивая, вся в голубом, светловолосая Алечка и улыбчивая Зойка, смуглянка с мальчишеской стрижкой. Перешептываясь, они быстро орудуют цветными карандашами.

Слева у окна разместилась Клавдия Ивановна, очень полная женщина в темном «вечном» сарафане. Ей около пятидесяти или меньше, или больше, судя по ней, ей это безразлично. В ее крепкой руке зажата сильная лупа величиной с блюдце, оправленная в старинную бронзу с удобной ручкой; четкие прямоугольнички условных обозначений, попадая в круг увеличения, прыжком достигают размеров спичечного коробка.

В самом удобном углу, невидимом при открывании двери, сидит руководитель группы Мария Игнатьевна, женщина в зрелом расцвете лет, угадать которые можно лишь случайно. Ухоженное лицо ее умело подкрашено, облегающая блуза оставляет на виду загорелую шею с тончайшей, в один блеск, золотой цепочкой и обнаженные по локоть руки с затейливыми перстнями.

Тишина. Шуршат по бумаге цветные грифели. Стрелки часов приближаются к одиннадцати.

— Зарядка, зарядка! — раздается в коридоре. — Все на зарядку! — и сполошный стук обегает все двери.

— Зарядка так зарядка, — начальница встает со стула и потягивается. — Девчонки, попрыгайте немножко. Клавдия Ивановна, подымай себя.

Но девушки с милой улыбкой выскользывают вон, а следом, прихватив синий чайник, исчезает и Клавдия Ивановна.

Мария Игнатьевна одна. В открытую форточку залетает снежок, похрустывает оставленная на столе калька. «Вдох-выдох...» — несется по громкой связи, но у нее собственный набор оборотов, наклоны, глубокая сосредоточенность. Вот и заключительная музыка. Женщина приводит себя в порядок, надевает

туфли с неуловимо-задорным выражением лакированных носков, складывает газету, на которой стояла в одних чулках.

Рабочий день продолжается. Мелькают карандаши, светится карта, но настроение уже не то, скоро обед, и на плитке, весь в капельках воды, уже стоит эмалированный чайник.

Клавдия Ивановна откладывает увеличительное стекло.

— Когда защищаетесь, девчата?

— Через месяц, в марте. Боимся, ужас!

— Еще бы! Помнишь, Маша, как мы тряслись?

— Я не тряслась.

— А как указку сломала, помнишь? Увлеклась, раскраснелась, взялась за концы- тресь! и надвое. С такого диплома, как твой «вулканический», можно было роман писать!

— Как «вулканический»? — вздрагивают студентки.

— Она на Камчатке практику проходила, — поясняет Клавдия Ивановна, — расскажи им, Маша, — но та, улыбнувшись, продолжает работать. — Она везде была, — с гордостью продолжает Клавдия Ивановна. — Эту лупу с Сахалина привезла?

— Да, вроде бы.

— С затонувшего корабля. Расскажи им ту историю, пусть послушают.

Но Мария Игнатьевна несклонна к беседе. Она работает с бумагами, приглашая всех последовать ее примеру. В малиновых ногтях ее отражается настольная лампа, они блестят, как полированные агаты.

В комнате возникает новый звук. это заявляет о себе эмалированный чайник. Робкое завывание переходит в дрожащий тенорок, потом в сипение, а вот уже сердитый шум сотрясает крутые бока. Клавдия Ивановна настороже. Важно укараулить «белый ключ», предкипяток, насыщенный пузырьками воздуха, иначе чай не заварится по всем правилам.

— Для здоровья полезна лишь свежая заварка, — проговаривает она вслух, — в моем доме это закон, — и замечает смешливую улыбку девушки-смуглянки. — Не смейся, не смейся, девонька. Чай в семейной жизни не последнее дело. С пирогами, с вареньем, печеньем. Душа радуется! А думаешь, в экспедиции обойдешься без чая? Расскажи им, Маша, как там заваривают. Ох-хо-хо... И куда вы попадете, молоденькие? В какие края?

— Ни в какие, — заявляет Зойка. — Мы к вам придем, в Геолконтору.

На лбу у Клавдии Ивановны заминаются и тут же разглаживаются мягкие складки удивления.

— И милости просим, милости просим, — сердечно отвечает она, — молодым сотрудникам всегда рады. А что? В самой Москве, да по специальности, чего ж лучше? Молодцы, девчата.

— Это аleckина идея. Ей вообще рукой подать, пешком ходить будет.

Алечка заливается нежным румянцем.

— Я близко живу, через два переулка. Мне просто повезло, — смущенно говорит она, чувствуя, как хороша сейчас и что ею любят. Это всегда приятно.

Мария Игнатьевна подымает накрашенные ресницы.

— И вам никуда не хочется, девочки? Никуда не тянет?

— А куда?

— Мало ли...Вы же геологи. Или нет?

Студентки молча переглядываются. Им неловко, словно их уличили, но в чем? Они и практику проходили здесь, сидели на буровых, изучали грунты, разрезы. И оценки у них высокие, и отзывы. В чем же их обвиняют? Инженерная геология наука — очень важная, без нее не обходится ни одно строительство, тем более в Москве. Это просто нечестно, спрашивать таким тоном!

— От добра добра не ищут, — вступается Клавдия Ивановна. — Куда им ехать? Чего искать? Молоденькие, зелененькие... Я бы свою Ирку никуда не отпустила. Я и сама...

— ...двадцать лет на одном стуле сижу, — заканчивает за нее начальница.

Толстуха негодуяще поворачивается, слышится треск, «вечный» сарафан лопается по шву. При общем смехе она хватается за бок, находит дырку и весело колышится вместе со всеми.

— Талия как у Наталии, а у Наталии как у мельницы. Ох-хо-хо. А не всегда ж я такая была, правда, Маша?

Заварной чайник уже накрыт стеганым чехольцем, появляются сахар, соль, сушки.

— В нашей Геолконторе работать можно, особенно на бурении. Мастера до двух часов всегда управляют, а в три вы уже дома. Чем плохо? Замуж выйдете, детишки пойдут, свободное

время ой как нужно, — на столе уже собрались ложки, вилки, сияющие белизной чайные чашки, никак не напоминающие запущенную учрежденческую посуду.

Коварная улыбка крепнет на жизнерадостной зойкиной физиономии.

— А у нас в институте сейчас свадьба на свадьбе, — с легким смущением говорит она- С ума посходили на последнем курсе.

— И у нас так было. Боялись, что в девках останутся, что ли? Я-то на третьем курсе успела, и другие...Помнишь, Маша?

За светостолом тихая возня. Зойка толкает Алечку в колено, та делает большие глаза и подносит палец к губам. Но Зойка не останавливается.

— А наша Алечка тоже замуж выходит, — объявляет она.

Алечка вспыхивает.

— Врушка! Болтушка! Не слушайте ее, — и краснеет до корней волос.

Клавдия Ивановна на мгновение теряется, перемаргивает, и вот уже улыбается всем лицом.

— Так ты невеста у нас? Поздравляю. Хорошо, когда девчонки замуж идут.

Девушка вновь в центре внимания, но как-то иначе, похуже.

— Я, может, еще и не выйду, — не без досады говорит она.

— Выйдешь, выйдешь, — задорно припирает ее к стенке подруга. — Пять лет со своим Володичкой ходят, догориться не могут. То он обидится, то она. А распределение на носу.

— Ну и что? Не твое дело. Возьму и не выйду.

— А тогда он уедет на Чукотку, — Зойка делает пальцами узкие глаза. — Он же не москвич, твой Володичка, уедет и все.

Алечка молчит, губы ее сжаты. Ни на кого не глядя, она нервно закрашивает желтым какой-то контур. Пальцы у нее длинные, на просвет почти прозрачные, на каждом ногте поверх серебристой эмали нарисован кисточкой аленький цветочек в голубой сердцевинкой.

Глубоко вздохнув, Клавдия Ивановна пробирается к девушке, по-матерински гладит ее длинные светлые волосы, распущенные по спине.

— Выходи, выходи, не упрямясь. Парень-то хороший?

— Не знаю. Вроде ничего, а вообще...не знаю.

— Вот так ответ! — слышится возглас Марии Игнатьевны.

— Да ты любишь ли его, красавица?

Все поворачиваются к ней. Алечка вновь в замешательстве, зато Зойка так и замерает от неожиданности.

— Вы меня удивляете, — тихо произносит Мария Игнатьевна. — Любовь, она должна быть страстной! Чтобы он к тебе через пургу и буран, чтобы ты как в огне...А у вас? В ваши-то годы? Ничего не понимаю.

— Разве так бывает? — спрашивает Зойка, но женщина лишь пожимает плечами. Заметно, что она сожалеет о своей вспышке.

— У всех по-разному, Маша, — вновь миротворит Клавдия Ивановна, — что ты их виноватишь? Что они знают, девчоночки, неопытные? Я вот безо всяких буранов вышла, а живем дай бог каждому. Доставайте-ка свертки, обедать пора.

Зойка готовно наклоняется к сумке, но тут взрывается Алечка.

— Любовь, любовь! — запальчиво кричит она. — Выдумки все! Чтобы покрасоваться перед другими, — лицо и шея ее в алых пятнах, голубые глаза темны и жестки. — Покрасоваться, когда все в прошлом. Поди, докажи, было, не было?!

Левая бровь Марии Игнатьевны приподымается и медленно возвращается на место. В комнате тишина, слышно, как редко-редко постукивает по полу лакированный носочек. Чайник давно умолк, праздно красуются на столе сияющие чистотой чашки. И опять, после глубокого вздоха, слышится примиряющий голос Клавдии Ивановны.

— Ну, полно, полно. Не всем быть бродягами, кочевать по белу свету. Женщина- это семья, дети. Выходи за своего мальчика, живите на здоровье. Совет да любовь.

Дверь открывается. На пороге мужчина великолепной наружности, хорошего роста, хорошего возраста, с крупной, чуть квадратной головой, твердым подбородком, смеющимися глазами. На нем тонкий черный свитер с пурпурным зигзагом на груди, талия стянута ремнем с номограммой. Все это успевают заметить девицы, прежде чем он, после беглого приветствия усаживается к ним спиной возле стола Марии Игнатьевны. Разговор их

тих, но оживлен, мужчина о чем-то повествует, смущенно оправдывается, шепчет на ухо. Тая улыбку, она выслушивает его доводы, и двумя пальцами тихонько толкает в лоб.

— Шалун.

Он подымается предовольный.

— Так мы ждем?

— Да. Приду.

Повернувшись на каблуках, он уходит.

— Кто это? — тихо спрашивает Зойка. — Он здесь работает?

Женщина с усмешкой смотрит в зеркало, трогает щеткой холеную прическу.

— Здесь такие не водятся, девочка. Это главный геолог Горноалтайской экспедиции. Я там работала в свое время, приглашают по старой памяти. Клава, я у них часов до двух.

И тоже уходит.

Стол накрыт. В воздухе ароматы свежих огурцов, черного хлеба, крепкого чая. Хлебосольная Клавдия Ивановна подкладывает девушкам лучшие кусочки, но тем будто и не хочется. Зойкины мысли явно не здесь, зато Алечка с обидой поглядывает в опустевший угол. Наконец, спрашивает, кивая туда головой.

— У нее есть дети?

— Мальчик-пятиклассник, — тотчас отвечает Клавдия Ивановна, словно ждала вопроса.

Девушка производит быстрый подсчет, ехидно улыбается.

— В таком возрасте мог бы и постарше быть ребенок.

— Каком возрасте? — ласково возражает Клавдия Ивановна. — Она у нас молодая. Чемпионка по бегу и стрельбе.

— Среди таких, как вы? — прыскает Зойка, едва не роня горячую чашку. — Ой...

И снова веселый смех сотрясает толстую женщину, словно гору больших и малых подушек.

— У нас и пошустрей найдутся. Кушай, Зоенька, что мало берешь? Или невкусно?

— Очень вкусно. А эта экспедиция... что она? Куда выезжает?

— На восток, надо думать. Зайди к ним, они неподалеку, через шоссе.

Алечка встревоженно смотрит на подругу. Зойка молчит, думает, вдыхая ароматный чайный парок.

ПОДВАЛ

Геологические партии разъехались в начале июня. Опустили рабочие комнаты с лабиринтами столов, опустели и сами столы. На третьем этаже института не осталось ни одного человека. Лишь шуршал обрывками легкий сквознячок.

Наденька, чертежница отдела, молоденькая девятнадцатилетняя женщина, растерянно остановилась посреди коридора. Она отсутствовала по болезни, когда уезжала последняя геопартия, и то, что все уехали, не вспомнив и даже не оставив ей записочки, огорчило ее донельзя. Наденька ожидала ребенка и была очень чувствительна к мелочам. Присев на свое место, она тихонько заплакала.

Шаги в коридоре насторожили ее. В приоткрытую дверь, не коснувшись ее, проскользнул высокий узкий мужчина, похожий на футляр, в темном сатиновом халате, начальник архивной группы. Скользя глазами по Наденьке, не здороваясь, он подошел к некрашеным стеллажам и укоризненно покачал головой.

— Улетели птички, а папки таскать за них я должен, — и длинной рукой скинул на стол несколько нумерованных дел. Серым облачком взвилась пыль. Отшатнувшись, он помахал рукой и с неожиданным интересом взглянул на Наденьку.

— Ревешь? Без работы? Идем со мной.

Она послушно встала. На лестнице он объяснил, что группа его наполовину больна, наполовину в отпуске, и что работать совершенно некому, спасибо, старая сотрудница-пенсионерка согласилась помогать в течение двух месяцев.

— Но у меня всего неделя до отпуска, — сообщила Наденька.

— И то хлеб, — ответил он, распахивая перед ней дверь подвала, где размещался институтский архив.

Подвал был светлый, прекрасно освещенный, окрашенный бледно-розовой краской, с цветастым ковром под ногами, но окна его выходили в глубокие грязноватые ямы и были забраны решетками. В тесноватой комнатухе возле хранилища стояли точно такие же, как у них наверху, столы, пахло табачным дымом. В

углу, за баррикадой папок сидела старая женщина в глухом платье.

— Помощницу привел, — объявил наденькин провожатый.
— У геологов украл, на целую неделю.

И засмеявшись, ушел, потирая руки.

Наденька тоже повеселела. Пусть в подвале, пусть на неделю, но теперь у нее была собеседница, которой, разумеется же, интересно было узнать наденькины молодые заботы. Она выбрала стол напротив, протерла его тряпочкой и уселась.

Работа оказалась пыльная. Требовалось вынимать из обветшалых архивов все устаревшие бумаги, чтобы освободить полки для поступлений. Этим и занималась старая сотрудница, время от времени поднося к губам зажженную сигарету. Дым она аккуратно посылала куда-то вниз, подмышку.

И хотя вид у нее был довольно строгий, Наденька не смутилась. Перевернув несколько страниц, она посмотрела на женщину и для начала чуть не спросила, есть ли у той дети, но удержалась и принялась рассказывать о себе. О том, как хорошо работать на третьем этаже, когда и где она познакомилась с мужем, о том, как они живут сейчас, о своих ощущениях, о том, какая она стала трусиха и плакса. Женщина невозмутимо работала. И о том, что она хочет девочку, а муж мальчика, о свекрови, о квартире. Женщина продолжала молча работать. Не прерываясь, Наденька поднялась и захлопнула форточку, из которой сильно дуло. Стояло нередкое для Москвы июньское ненастье.

— А правда, — обратилась она к сотруднице, — правда, что наша медицина на таком уровне, что женщине ничего не грозит?

Вопрос этот сильно беспокоил ее, она задавала его вновь и вновь, чтобы от всех слышать слова ободрения.

Пенсионерка молча пожала плечами. Наденька настаивала.

— Но у нас не бывает смертельных исходов. Как вы считаете?

Та недовольно подняла голову.

— При чем тут «у нас»? — проговорила сиплым голосом.
— Все бывает.

Наденькино лицо вытянулось. Встревоженно посмотрев на сердитую старуху, она взялась за работу. Противный озноб от прикосновения к шершавой пыльной бумаге рассыпался по все-

му телу, стало неуютно, зябко. Но тут же вспомнилось, что в сумочке, на доньшке укромно дожидается маленький завтрак, кусочек соленой рыбки, булочка и конфетка. Наденька оживилась. Однако, едва достала сверток и стала разворачивать, как услышала недоуменный возглас сотрудницы.

— У нас обед в двенадцать-тридцать. Разве наверху иначе?

— Но мне хочется сейчас, — ошеломленно пролепетала Наденька.

Ответа не последовало. Часто-часто моргая ресницами, Наденька поспешила вон из комнаты. искала, где бы поплакать, не нашла и отправилась к себе на третий этаж. Там долго всхлипывала, возмущалась, ехидничала, наконец, с оскорбленным видом вернулась в подвал.

— Где это вы прохлаждались? — сухо заметила ей старуха. — Закон один для всех.

До самого вечера Наденька не проронила ни звука. Над головой угрюмо гудела люминесцентная трубка, в открытую форточку снова дуло, но встать, закрыть было боязно: вдруг опять заругают?

Ночью у Наденьки открылся жар, озноб, и она расхворалась на целую неделю. Когда же дней через десять пришла за деньгами, встретила в коридоре свою обидчицу. Наденька робко поздоровалась, но та, кажется, не заметила ее.

ВЕЧНЫЙ ВИНСЕНТ

Второй час ночи. Последний поезд метро мчится в темноте подземного тоннеля. Пассажиров мало, редко-редко где сидят два-три человека, мужчины. Лица их тяжелы, в телах каменная усталость ночи. Чем дальше от центра, тем больше в электропоезде пустых вагонов.

В одном из них сидит человек лет тридцати семи. Он бородат, остролиц, на нем светло-серый холодный плащ и выдавшая виды шляпа, к сидению дивана прислонен плоский зачехленный прямоугольник с обтрепанной лямкой. Синяя ткань измазана краской, кое-где порвана, в прорехи выглядывает и уголок рамы, виднеется ярко-желтое и ярко-зеленое. Положив ногу на ногу, мужчина покачивается в такт движению, глаза его закрыты, в прямизне спины, в сцепленных на коленях пальцах угадывается напряжение.

... «Человек испытывает потребность в немалом — в бесконечности и чуде, и правильно поступает, когда не довольствуется меньшим. Выразить зародившуюся мысль сиянием светлого тона на темном фоне, надежду — мерцанием звезды, пыл души — блеском заходящего солнца — разве это менее реально? Сказать картинками нечто утешительное, как музыка, вложить в них что-то от вечности, от вечности, которую мы ищем в сиянии, в вибрации самого колорита... В последние дни я почувствовал пробуждение особого чувства цвета, более острого и непохожего на то, что было до сих пор. Я снова обрел надежду... ».

Вагоны пусты, но с громкой отчетливостью объявляются остановки, с размаху открываются и закрываются двери, на платформах безлюдно, лишь темнеют мокрым вымытые полы.

... «надежду, — выстраиваются мысли, — питавшую, должно быть, еще старых мастеров. Только когда работаешь сам, начинаешь понимать, кто такие были на самом деле эти люди. Тут можно дойти до беспросветного отчаяния! И странное дело: сколько ни знакомишься с жизнью «великих», везде одно и то же: нехватка денег, плохое здоровье, сопротивление окружающих, словом, му́ка от начала до конца».

Конечная станция, эскалатор. С картиной подмышкой, сугулясь на правую сторону, художник ступает на серую бегущую дорожку, едет, похожий на взъерошенную птицу, привычно отрешенный от окружения. Ступенек впереди становится все меньше, и вот уже, застигнутый врасплох, он спотыкается и чуть не падает на верхней гребенке, к неудовольствию дежурной, оцепеневшей за своим окошечком. Пьяный? — враждебно смотрят ее глаза. В дверях ему снова не везет, слышно, как он гремит рамой, бормочет, наконец, выходит, сильно бросив стеклянную створку.

Осенняя ночь сыра и неприветна. Сверху сеется мелкая изморось, под ногами хлюпает и течет. Город спит, новые жилые дома по левую сторону недостроенного еще проспекта темны, лишь тусклые полосы лестничных маршей оживляют фасады. Правая сторона пустынна, там, во мгле октябрьского ненастья таится подмосковная равнина. Автобусов нет, и в такую пору нет смысла их дожидаться.

Пришаркивая, мужчина уходит по безлюдному проспекту.

Минувший день не принес удачи. Картину вновь отклонили от участия в выставке. Досада была едкой и краткой, по обыкновению. Энергия быстро обновляется в нем, неудачи лишь добавляют света и движения вперед. Он ощущает в себе бурлящую силу, огонь, который должно не гасить, но поддерживать, к какому бы финалу это не привело. Мысль о признании все реже посещает его, он работает лишь в силу внутренней необходимости. Слава, деньги — в этом всегда есть нечто безнравственное, страшно подумать — а вдруг дни, что так тяжелы сейчас, покажутся после победы «добрым старым временем?»

Пораженный вспышкой осознания, он замирает на месте, стоит, снова идет. Изморось переходит в мелкий дождь. Сгорбившийся над своей ношей, неразборчиво шагающий по лужам, он кажется затерянным в безмерности ночи. Бредущий путник — любимый образ его размышлений. Этого «куда», этой цели скитаний не существует, и такой вывод представляется обоснованным и разумным. Неужели это и все? К счастью, выбора нет.

Равнина справа темна и безмолвна. Ни огонька, ни света, ни диковатых, поросших кустарником оврагов. Непроницаема ночная мгла. «Не правда ли, — напрягается он, — все это вновь по-

дымает вечный вопрос: вся ли человеческая жизнь открыта нам? А вдруг нам известна лишь та ее половина, что кончается смертью? И смерть уносит нас к звездам...»

Перехватив картину другой рукой, он прячет в карман озябшие пальцы. Теперь впереди разбитая колесами строительная площадка, от ее одиночных лампочек окружающая тьма кажется еще плотнее. Где-то здесь лежат пешеходные доски, но он проскочил это место, не поворачивать же назад. Чертыхаясь, бредет напролом, срезая угол к твердой дороге, по ногам бьют какие-то провода, железки, прутья. Ноги скользят, он оступается и тяжело падает набок. Слышатся ругательства, треск деревянной рамы.

... В подъезде нового дома пахнет известкой. Тишина. Художник садится на ступеньки. Здесь ли, на десятом ли... Откинув голову, он прислоняется к перилам.

Мгновение ... вот оно! в закрытых глазах его вспыхивает сияние, душа взлетает. Тонкий цветочный аромат всходит в воздухе, нездешние выси, дали, золотое струение нитей... Это приходит, да... и искупает все. Мгновение... оно меркнет, становится обычным, внешним.

Бережно подняв картину, художник идет по ступенькам.

СВАДЬБА

Смеясь и подмигивая наши друзья в последний раз поздравили нас с законным браком и удалились. Мы остались вдвоем.

— Дорогая, — молодой муж наполнил бокалы шампанским, — любимая...

И тут пробило полночь. Брачное ложе превратилось в лохматого черного козлища, платья на мне не осталось, и я со свистом взвилась под потолок, вцепившись в козлиную шерсть. Все друзья вернулись в форточку и принялись отплясывать на столе в клубах дыма и пламени. Это была настоящая свадьба!

Муж побледнел. Испарина покрыла его лоб. В глазах мелькнуло безумие.

— Ша! — гаркнула я.

И все исчезло. Я смешала его память, и в облике голубицы предстала нежному взору.

Шампанское еще играло.

— Дорогая, — пробормотал он. — Любимая...

МОЙ МИЛЫЙ МИЛЛИАРД

Приходилось ли Вам, читатель, просить денег? Признайтесь! Отлично ставит на место, не правда ли?

Еще в бытность студенткой-филологом сочиняла я как-то рассказ о современном Геракле. Образ зрелого мужчины под пером юной девушки — шаг, согласитесь, рискованный, и поэтому с прилежностью ученицы я принялась изучать лучших мужчин человечества, начиная с Овидия и Марка Аврелия, разумеется, по их письмам, дневникам, исповедам...

Однако при чем тут миллиард? Терпение.

Шло время и пришло время — наши дни. Как-то раз, в поисках свежей идеи и «крутого» героя мне пришлось обрушить с антресолей пыльный шелестящий архив. С ветхих исписанных страничек так и встал передо мной Михаил Бакунин, наш бунтарь-анархист, его «Исповедь» царю Николаю I, даровитая, страстная, редкостная. Судите сами.

...«Государь! Я кругом виноват перед Вашим Императорским Величеством и перед законом отечества... Возмущал умы против Вас где и сколько мог... Хотел ворваться в Россию и разрушить вконец существующий порядок... Жажда простой чистой истины не угасала во мне, мне становилось душно и тошно в обыкновенном спокойном кругу, я весь был революционное желание, все вверх дном, разрушить, сжечь... Благодарю только Бога, что не дал мне сделаться извергом и палачом своих соотечественников... Стою перед Вами, как блудный, отчужденный и развратившийся сын перед оскорбленным и гневным отцом... Государь! Я преступник великий и не заслуживаю помилования, пусть каторжная работа будет моим наказанием».

— Сценарий! — мелькнула мысль...

И вот уже моя работа признана лучшей на конкурсе, опубликована в журнале «Киносценарии», и сам Мосфильм готов приступить к съемкам... гм, едва зазвенит золото. Миллиард.

Приходилось ли Вам, читатель, просить миллиард?

Три вершины молодого отечественного бизнеса остановили мое внимание, три сирены, что обольщают нас со стен домов, га-

зетных страниц и голубых экранов. Не без робости набрала я номер телефона первого из них.

— Телесериал? — проговорили задумчиво. — Интересное предложение. И сколько вам нужно?

— Миллиард.

— О-о, весьма сожалеем, но такой суммой помочь не сможем. Извините.

Сочувственно кивнув, я всмотрелась в следующие семь цифр.

— Бакунин?! — вскипел гневом мужской голос. — Ни в коем случае! Он же отменял частную собственность и право наследования! Нет, нет, наши клиенты нас не поймут.

... маленькая-маленькая, я скатилась с высот к нижайшему подножью.

На третьей рекламной вырезке стояли буквы, которые мы помним, наверное, даже во сне. Жирные, броские, они убеждали граждан довериться заботам Компании, а их солидные арифметические расчеты развеивали последние сомнения. С бьющимся сердцем нажала я белые клавиши моего телефона.

— Телесериал? — проговорили задумчиво. — Интересное предложение. И сколько вам надо?

— Миллиард.

— Платежи поэтапно?

— К-как вам удобно.

— Расскажите подробнее.

Гора наклонилась и посмотрела на меня. И показалось, что все просто, и что умные люди не могут не понять друг друга.

— Действительно здорово, — согласился молодой человек. — Кто автор сценария?

— С-ва.

— ...ва? Эх... У них же есть прекрасные сценаристы!

— Сценарий удостоен высшей награды на конкурсе.

— Это ее первый фильм?

Я ощутила себя в свободном падении.

— У нее два высших образования, — заговорила наступательно, хватаясь за воздух, — а сценаристы... дирекция пригласит самых именитых, если будут деньги. Решайтесь! Многосерийный, исторический, захватывающий — Бакунин же!

— Хорошо уговариваете. Мы подумаем. Оставьте координаты.

Господа! Нужен один миллиард. Договоримся?

1997

ЗАНАВЕСКИ

В ту зиму в районе проводились грязные земляные работы, дорога была перекопана, над темной канавой светились три фонаря. Они освещали грубые земляные стенки, толстые трубы и мостик, перекинутый от края до края. Теплотрасса тянулась в сторону пятиэтажек, обреченных на слом, и готовилась для высотных домов.

Моему дому не грозило ничего. Вместе с тремя братьями он возвышался девятью этажами и готов был стоять еще полвека, однако, общее беспокойство держало всех в напряжении. Дорожка от заснеженного мостика через сквер вела прямо к нашему крыльцу. Я поднялась и открыла кодовый замок. И остановилась. Двери в мой холл на первом этаже были распахнуты, на стенах пестрели надписи, сеточка в верхней части стекла выломана, белые занавески, защищавшие помещение от досужих взглядов, исчезли вообще.

Опять. Такое уже бывало. Несколько лет назад наш подъезд превратился пристанищем наркоманов. Подростки со всей округи набивались в тепло вестибюля. Неопрятные, обкуренные, они крушили почтовые ящики, жгли кнопки звонков, мазали стены краской. Возражения были небезопасны. Вскоре железная дверь с кодовым замком отсекала все это в прошлое. И вот опять.

Наверху гудели голоса.

«Снова бояться?» - поморщилась я.

И стала подниматься. Пятый этаж, шестой. На площадке толпилась молодежь, веселые, чисто одетые подростки, прелестные свежей румяной юностью.

— Добрый вечер, — произнесла я, — занавесочки-то зачем сорвали, друзья?

— А... это не мы, — с готовностью, хорошим голосом ответил один из них. — У вас тут бомжи хозяйничают.

— Неужели?

— Да-да-да. А мы их выгнали, — его чистосердечие покоряло. — Ну, подумайте, зачем нам занавески? А им нужны. Они бы еще такое натворили, если бы не мы!

— Так вас еще и благодарить надо?

— А как же? — на меня смотрели чудесные правдивые глаза.

Вздохнув, я спустилась вниз.

Наутро мне встретилась Елена, наш председатель.

— Какие бомжи! — взмахнула она руками. — Они и есть.

И внизу набезобразничали, и наверху... они же трахаются там.

— Я не видела.

— У чердака была?.

Мне стало не по себе.

— Дети, дети. Что с ними будет? Это мы, взрослые, виноваты.

— Виноваты-не виноваты, от них надо избавляться. И с помощью милиции, и самим действовать. Интересно, кто им код сообщил, какая квартира?

Прошло несколько дней. Я уходила и приходила затемно, под звездами, что неудивительно для зимы. Снег крупно искрился в свете фонарей, повизгивал под шагами. Район у нас дальний, чистый, народу пока немного. Но эти канавы... они угнетали своей земляной грубостью, предвестием нелучших перемен. В четверг я вошла в подъезд... и ахнула от неожиданности. Всегда пустынный вестибюль был полон народу. Девушки сидели на ступеньках, парни курили у лифта. Кто-то из жильцов боязливо пробирался между ними.

— Опять вы? — посмотрела я. — Немедленно уходите.

— Почему? — я узнала «разговорчивого». — Мы с вами уже беседовали, помните? О бомжах.

Я ощутила, что могу наговорить лишнего.

— Вы сами не лучше бомжей, — сказала в сердцах, и девушки насмешливо оглянулись. — Сидите на лестнице, в чужом подъезде. Уходите, уходите, а то милицию позову.

Несколько девиц поднялись и направились к выходу. Я поспешила домой звонить Елене. Она поняла с полуслова.

— Явились? Сейчас позвоню участковому.

За дверью гудели голоса. И вдруг темный ужас пронзил меня. Появись сейчас милиция, подозрение неизбежно падет на меня, а я на первом этаже, без решетки на окнах! Разгневанные подростки — сокрушительная сила. Отменить вызов, скорее, скорее! Трясущимися руками я набрала номер.

Там обрадовались.

— Не надо машины?

— Не надо. Они уходят.

— Сделано. Отменяю.

Беспокойство вернуло меня в вестибюль. Девушек уже не было, ребята неохотно тянулись дверям.

— Освобождайте подъезд, — сказала я как можно тверже.

— Милицию вызвали?

— Нет.

«Разговорчивый» близко-близко всмотрелся в меня. Я выдержала его взгляд. Они сбежали по ступенькам.

— Занавесочки за вами, — напомнила я из глубин обретенной безопасности.

Рассмеявшись, он подпрыгнул и сорвал проводку к кодовому замку. Огонек потух. Свистя и улюлюкая, они вырвались на синий вечерний снег.

Дня через два так же вечером я вновь встретила нашу Елену.

— Ничего не знаешь? — заговорила она оживленно. — Мы от них избавились. От тех ребят. Только что.

— А как?

— А так. Едва увидели в подъезде — вызвали милицию, а сами давай выталкивать их взашей. Соседи твои развоевались. Наряд задержал двоих, они оказались аж из другого района! А код им Алена из девятой квартиры дала. Пусть-ка ее отец оплачивает ремонт. Что молчишь?

— Жалко их.

— Всем жалко, а из подъезда их гонять надо.

— Ну... наверное.

Я заглянула в почтовый ящик. Что-то белеется. Отомкнула... занавески. Душа стеснилась. Поверили. Ах как это, право....

ЖИВОПИСЬ БУДДИЙСКОГО МОНАХА

Удлиненный синий плакат этот затерялся между ярких афиш, зазывавших на выставку косметики и подобных ей на главном лице Манежа в ясный осенний день. Подниматься пришлось сквозь грохот тяжелой музыки, буфет, полный жирной сладкой снеди, и заполнившую балкон публику. Скромная крутоватая лестница вела в тихий невысокий зал, мало-освещенный, устланный синим, на стенах которого висели рисунки, исполненные на рисовой бумаге размерами 50x70 см. Мелкие, отдаленные от стен лампочки с темными колпачками освещали сверху каждый лист. У дверей за столом и в креслах наблюдали порядок приветливые ребята-корейцы. Ни денег, ни билетов, вход свободный. Сделав поклон с «намасте», я пошла вдоль стен. Через минуту ребята принесли мне чашечку зеленого чая.

В зале было малоллюдно, два-три человека всматривались в рисунки.

«Спокойствие» — два мелких древесных листка вверху справа и иероглиф внизу слева.

«Аромат чая!» — изогнутый полуовал чашки и перышко пара над нею.

«Лягушка, приносящая удачу» — синяя рожица с улыбкой, круглыми глазами и чем-то легким вокруг.

Вот Дхармы № 1, 2, 3, 4. — что это? Понятно, что, и все же?

Вот «Мальчик и сосна» — внизу левее малыш со спины, запрокинувший головку, видны волосишки, глаза, нос и штанишки, и далеко сверху правее — ветка сосны в восточном исполнении. Целомудренно, с бездной юмора.

Наконец, все.

Я направились к выходу. Один из молодых людей поднялся навстречу.

— А вопросы?

Молчком уйти не удалось. Я стесненно улыбнулась.

— Дхарма № 1, 2, 3, 4?

— А, это... Сейчас.

И послали ... за автором! Я замерла. Из незаметной двери в стене появился щуплый улыбающийся человек в длинном одея-

нии, седоватый, высокий, с корейским лицом, но с синими глазами. Выслушал вопрос. Глаза его были пронзительны и добры, морщинки светились. Переводчик, путаясь, что-то объяснял, а я смотрела на Просветленного. Поняв, что перевод всё испортит, сказала сама, полувопросительно, с улыбкой почитания.

— Дхарма — это состояние духа в согласии с природой?

Ему с облегчением перевели.

— О, да, да, — подтвердил он радостно, и глаза его заискрились. Мы смотрели друг на друга. Беседа с таким человеком — высокая честь и большое испытание. Дальнейшее присутствие могло стать неуместным, неизбежно обнажив мою суетность.

Я простилась и поспешила уйти, вниз, вниз мимо оглушительной музыки, жующего буфета, вниз, вниз, к московской толпе, унося в душе Откровение Пути и смущение случайного приобщения.

СКАЗКА О СОЛДАТЕ, СТРАХЕ И НАДЕЖДЕ, И О КРАСНОЙ ДЕВИЦЕ ОТРАДЕ ПУТЯТИШНЕ

Жил-был солдат. Вот победил он своих врагов и пошел домой. Идет-идет, песни поёт, вдруг видит, у бел-горюч камня старушка сидит — старенькая, едва кости вместе. Остановился солдат, поздоровался, развязал заплечный мешок и поделился со старушкой краюхой хлеба.

— Спасибо, служивый, — поклонилась старушка, — далеко ли путь держишь?

— Домой иду, к родимой матушке, — ответил солдат.

— погоди немножко, — просит старушка, — отгадай мою загадку. Отгадаешь — пойдешь своей дорогой, не отгадаешь — сослужишь мне великую службу.

— Добро', — согласился солдат, — уважу твою старость. Загадывай свою загадку.

— Ответь мне, добрый молодец, — говорит старушка, — кто на белом свете самому себе хозяин?

Думал солдат, думал, не может придумать. Куда не кинь, у каждого начальство есть, даже у ветра в поле, а уж над солдатом и вообще не счесть.

— Твоя взяла, — вздохнул он. — Приказывай свою службу. Обрадовалась старушка.

— Принеси мне, — говорит, — два кольца, что Страх и Надежда на руке носят.

— Вот на! — удивился солдат. — Сроду такого не слышал. Да где ж я их сыщу?

А старушка смеется.

— В своей душе, касатик, в своей душе, там всех найдешь.

Махнула рукавом, и очутился солдат в своей душе, в самой ее серединочке. Огляделся вокруг: солнышко светит, луга цветут, а под ногами стезжка вьется, в путь-дорогу зовет.

— Служить, так служить, — решил солдат и пошел по дорожке.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Шел-шел и пришел в темный лес, к большой пещере. Видит, внутри

огонь горит, гром гремит, а посередине великан стоит, каленые стрелы кует.

— Бог помощь! — прокричал солдат. — Разрешите войти?

— Входи, коль сможешь, — усмехнулся великан.

И не успел солдат ногу занести, как все стрелы понеслись на него. Вёрток был солдат, увернулся от них, а великан-то над ним потешается.

— Эх ты, невежа, эх ты, деревенщина! Да я тебя на ладонь положу, другой сверху прижму, в овсяный блин сомну! Ведь я Страх твой, хозяин полный, видишь, кольцо на руке, — и показывает чугунный обруч на пальце.

Не привык отступать солдат, где ружьем, где смекалкой, где храбростью молодецкой, а всегда побеждал. А тут видит, сила перед ним неслыханная, тут крепко думать надо. Сел на полянке, стал думу думать. Думал-думал, ничего не придумал, еще думал-думал, опять ничего не придумал, еще думал-думал... Вдруг слышит, звенит что-то, тихо-тихо, тише комарика. Смотрит, колокольчик лесной в траве. Наклонился к нему солдат, а колокольчик ему и говорит.

— Ты' здесь хозяин, солдат, помни об этом.

— Верно! — вскочил солдат, — спасибо тебе, голубой звончок.

Вскочил на ноги и кинулся в пещеру. Десять тысяч стрел метнулись в него, и все упали сломанные, потому обернулся солдат железным щитом. Ведь он был здесь хозяином и мог становиться, кем только пожелает. Разозлился Страх и обернулся черным пламенем. Взревело пламя, бьется о щит, вот-вот расплавит его. Да ведь и солдат не прост, обернулся светлым пламенем, в сто раз горячее. Схватились в охапку, бьются три дня-три ночи. Видит Страх, плохи его дела, неоткуда ему подмоги ждать, собрал силенки и превратился в свирепый ураган. Завыл, заревел ураган, грозится огонь по ветру развеять. А солдат взял да и обернулся ясным соколом. Взмыл сокол под небеса, выше леса стоячего, выше облака ходячего, к самому красному солнышку. Ураган повыл-поревел да и стих, потерял мощь, а сокол грянулся о землю и стал молодцом лучше прежнего.

— Отдавай, Страх, кольцо с руки.

Да не тут-то было. Позвал Страх сестру свою Надежду.

Смотрит солдат, и глазам своим зорким не верит. Лежат повсюду паволоки разные, о семи шелках тканые, одежды шитые, самоцветными камнями изукрашенные, а вдоль рядов купчиха похаживает, сладкой речью солдата заманивает.

— Подходи, любезный друг, тут все твое.

Не устоял солдат, выбрал себе шапку соболиную, да шубу на куньем меху, да сапоги строченые красные, а купчиха и зеркальце подносит, полюбуйся, мол, сердечный друг, каким царевичем стал. Глянул солдат, загордился, заломил шапку и пошел с купчихой за столы дубовые, за скатерти камчатные.

Вот гуляет солдат, ест-пьет с утра до вечера, а не может ни голод унять, ни жажду утолить, а уж одежда-то его заморская то велика, то мала́ ему делается.

— Что за чудеса! — смеется солдат, и вдруг слышит, звенит что-то, тихо-тихо, тише комарика.

Опомнился солдат, спохватился, грохнул кулаком по столу.

— Сгинь-пропади, вражья обманка! Понял я ваши козни, между страхом и надеждой людей ломаете, силу человеческую изводите. А ну, подавайте кольца да ступайте отсюда подобру-поздорову! Я здесь хозяин!

Испугались брат и сестра, стали прощенья просить да каяться, да к нему же, солдату, в работники наниматься.

— Не гони нас, солдат, мы тебе пригодимся.

— Да чего от вас хорошего ждать-то можно?

— А того, — говорит Страх, — что я в сторожах хорош, охранять тебя, в колотушку стучать в случае чего.

— А я советом помогу, развеселю когда-никогда, — обещает его сестра.

Улыбнулся солдат, смешно ему стало. Тряхнул головой.

— Давно бы так. Оставайтесь, будь по-вашему.

Забрал у них кольца, забросил в мешок и пустился в обратный путь. Идет и сам на себя дивуется. И всегда-то он удалцом был и не из робкого десятка, а тут силы и смелости втрое прибавило, хоть горы ворочай! Идет солдат, песни поет, так и пришел к бел-горюч камню. А там старушка сидит, дожидается.

— Здравствуй, служивый! Исполнил службу?

— Так точно, бабушка! Получай свой заказ.

Взяла старушка два кольца и бросила через себя за спину. И стала девицей, да такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Поклонилась девица солдату и говорит.

— Гой еси ты, храбрый солдат, мой освободитель! Заколдовал меня Змей Горыныч на годы долгие, на веки вечные, пока не найдется на Руси такой богатырь, что не убоится страха лютого, не обольстится сладкой надеждою. А теперь я опять на воле.

Поклонился и солдат девице.

— Гой еси ты, красная девица! Как же тебя звать-величать?

— А зовут меня Отрадой Путятишной.

Взял солдат Отраду Путятишну за руки белые, поцеловал в уста сахарные и повел домой к родимой матушке.

Вот и сказка вся.

Синему морю на тишинье,
Добрым людям на послушанье.

Сказывала бабушка Василиса

СКАЗКА ПРО НАС, ОКАЯННЫХ

В стары годы, старопрежние , жил-был на земле мудрый царь. И был у него сын Иван-царевич. Вот отправил царь Ивана-царевича на дальнюю звездочку учиться, а сам пожил тысячу-другую лет, простудился на охоте и больше не встал.

Послали за Иваном-царевичем.

С тех пор протекли столетия, одни, другие, третье. Вернулся Иван-царевич, летит на Вещун-птице и глазам своим зорким не верит. Где моря плескались синие, там лужи гниют зеленые, где леса стояли частые, там пески веются желтые, а где степи цвели вольные, там и вовсе угольки чернеются. И посреди разора-морока стольный град стоит-красуется. Терема его высокие в облаках редких теряются, от стен его скользких-гладеньких солнце мутное отражается, а людей на площади никого не видать, все внутри сидят-хоронятся и по улицам ходить опасаются.

Как посмотрел Иван-царевич, как поразгневался, выхватил из ножен заветный меч-кладенец.

— Ты скажи-скажи, Вещун-птица мудрая, где же мне искать супротивника?

Отвечает Вещун-птица мудрая речью простою-понятною.

— Убери свой меч, Иван-царевич млад. Супротивник твой не в чистом полі, он в душе человеческой прячется.

Опустились тут плечи молодецкие, затуманилось чело его ясное.

— Ты скажи-скажи, Вещун-птица мудрая, это что ж такое подеялось?

Отвечает Вещун-птица мудрая речью простою-понятною.

— Приглядись-ко сам, Иван-царевич млад, взором острым-заметливым: терема-то те как поставлены, и дома-то те как изогнуты?

Пригляделся он взором заметливым, а терема-то те так поставлены, и дома-то те так изогнуты, что ими буквы образованы, и теми буквами горделивыми на земле разоренной-растерзанной слово «Я» многократно красуется.

Проязычила тут Птица вещая историю грустную-нерадостную: как имел род человеческий дар высокий на общее

радование, вся земля на него надеялась, вся земля вместе с ним возвышалась, в Слове сущем осозналася. Ну, а он-то, дитя неразумное, стал тем даром впустую игратися, похоть низкую услаждатися, тварь невинную притеснятися.

Пригорюнился тут Иван-царевич млад, слезой горькою обливается.

— Ты скажи-скажи, Вещун-птица мудрая, где ж нам искать спасение?

Отвечает Вещун-птица мудрая речью простою-понятною.

— Загляни в глаза мои, Иван-царевич млад, что тебе в них видится?

И как глянул он в очи орлиные, высохли слезы его горькие, осветилось лицо его ясное.

— Вижу я, — отвечает весело, — люди, звери кругом обнимаются, друг на друга не налюбуются, а иные в сторонке каются, с землей-матушкой целуются.

Говорит же ему Вещун-птица мудрая, говорит же она да таковы слова.

— Ой ты гой еси, Иван-царевич млад! Сослужи ты службу великую для всего рода человеческого. Ты ступай во град очарованный с вестью благою-пресветлою. Пробуди всех заснувших-забывшихся, позови всех заблудших-затерянных. А и что с тобой, с вестником, станется, то и с ними со всеми содеется.

Тут взмахнула крылами могучими и оставила Ивана-царевича.

Вот и сказка вся.

Синему морю на т́шинье,
Добрым людям на послушанье.

Сказывала бабушка Василиса

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДНЯЯ ГОСТЬЯ.....	2
ГЕОЛОГИНИ.....	9
ПОДВАЛ.....	16
ВЕЧНЫЙ ВИНСЕНТ.....	19
СВАДЬБА.....	22
МОЙ МИЛЫЙ МИЛЛИАРД.....	23
ЗАНАВЕСКИ.....	26
ЖИВОПИСЬ БУДДИЙСКОГО МОНАХА.....	29
СКАЗКА О СОЛДАТЕ, СТРАХЕ И НАДЕЖДЕ,.....	31
И О КРАСНОЙ ДЕВИЦЕ ОТРАДЕ ПУТЯТИШНЕ.....	31
СКАЗКА ПРО НАС, ОКАЯННЫХ.....	35

АСТРА
«РАССКАЗЫ И СКАЗКИ»

Собрание сочинений в шести книгах

Книга пятая

РОЛЬ «РАССКАЗЫ И СКАЗКИ» — М.: «Издательство «БП»»,
2009.— 38 с.

ISBN 978-5-901746-07-3

©АСТРА, 2009
© Издательство «БП», 2009